

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

Мосинец Анастасия Геннадьевна

**СЛОЖНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ
С ПРИДАТОЧНЫМИ ЦЕЛИ И ПРИЧИНЫ В БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКЕ
(НА ФОНЕ РУССКОГО ЯЗЫКА)**

Специальность 10.02.03 – Славянские языки

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Санкт-Петербург

2018

Работа выполнена в ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет»

Научный руководитель:

доктор филологических наук, профессор
Иванова Елена Юрьевна

Официальные оппоненты:

Ведущая организация:

Защита состоится « » 2018 г. в часов на заседании совета Д. 212.232.18 по защите докторских и кандидатских диссертаций при Санкт-Петербургском государственном университете по адресу: 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11, филологический факультет ФГБОУ ВПО Санкт-Петербургского государственного университета, ауд. 195.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. М. Горького Санкт-Петербургского государственного университета (199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9).

Автореферат разослан « » 20 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
кандидат филологических наук, доцент

С. В. Вяткина

Общая характеристика работы

Цель и причина, будучи основообразующими понятиями в жизни человека, остаются «непреходящим притягательным центром для исследователей», начиная со времен Аристотеля [Степанов 1991]. Выявление сущности и семантических границ данных категорий является объектом изучения ученых различных направлений: философов, логиков, лингвистов. С одной стороны, цель и причина различны и даже противопоставлены. «Причинность традиционно противопоставляется телеологии, а каузальное объяснение — телеологическому» [Вригт 1986]. Цель определяет действия человека, его осмысленные решения и поступки, направленные на достижение цели, дает ему жизненные ориентиры. Категория причины существует независимо от человека, ее существование устанавливается в результате ментальных операций [Арутюнова 1992]. С другой стороны, возможна контаминация данных понятий, особенно на языковом уровне. Предикаты цели, причины и каузации «выступают в естественном языке обычно не в чистом виде, а в «склеенном виде» либо друг с другом, либо с некоторыми другими категориями» [Савичуте 1980].

Лингвистический подход к изучению понятий цели и причины предполагает исследование того, как язык различает данные понятия и какие средства использует для их выражения, см. работы прежде всего Ю. Д. Апресяна, Н. Д. Арутюновой, Т. В. Радзиевской, Е. В. Рахилиной, О. Ю. Богуславской, И. Б. Левонтиной (подробнее в гл. I п. 1). Рассмотрение конструкций цели и причины тем более важно, что они «являются универсальными конструкциями индоевропейских языков, а может быть, и языков мира» [Савичуте 1980].

Данная работа посвящена важнейшей области выражения целевых и причинных отношений – сложным предложениям с придаточными цели и причины. Сложное предложение является специальной формой, отражающей то, как человек осознает взаимосвязь между цельными ситуациями и фактами, и обеспечивающей «сопряжение, соотнесение событий и их локализацию относительно друг друга» [Варшавская 1984]. И сложное предложение с придаточным цели, и сложное предложение с придаточным причины выражают отношения обусловленности между ситуациями, представленными главной и придаточной частями. Обусловленность при этом понимается как «причинность в широком смысле слова» и «объединяет в себе такие значения, как предпосылка, основание, обоснование, подтверждение, доказательство, аргумент, довод, предопределенность, посылка, повод, предлог, стимул, целевая мотивировка. Весь этот круг отношений предполагает такую связь ситуаций, при которой одна служит достаточным основанием для реализации другой» [Русская грамматика 1980]. Различие между предложениями цели и причины состоит в том, что в целевых предложениях каждая ситуация включает в себе

признак достаточного основания, и отношения обусловленности, таким образом, имеют взаимонаправленный характер. С другой стороны, в причинных предложениях носителем значения достаточного основания выступает придаточное предложение, выступая в качестве мотивирующего фактора по отношению к событию главной части [Русская грамматика 1980] (ср. в [ГСБКЕ 1983], где целевые и причинные предложения относятся к категории подчиненных обстоятельственных предложений основания, или довода, при этом основание в целевых придаточных понимается как окончательная цель, в придаточных причины – как достаточное основание).

Значительная часть предлагаемого исследования посвящена характеристике союзов цели и причины, их структурным, семантическим и коммуникативным свойствам. Средства связи в сложном предложении являются семантически значимыми и обеспечивают целостный характер его структуры, которая «существует как таковая при реализации двусторонних связей союзов, передающих разные смысловые отношения» (например, причинно-следственные, целевые, временные, результата и др.) [Варшавская 1984]. Значимость союза подчеркивается и в формально-ориентированных описаниях: в сложноподчиненных предложениях с сентенциальными обстоятельствами, к которым относятся придаточные рассматриваемых типов, союз является «семантически главным» – выразителем смысловых отношений между частями предложения, при этом главное и придаточное предложения заполняют две валентности союза [Тестелец 2001, см. также Пекелис 2014].

Актуальность исследования связана с недостаточной разработанностью сопоставительного аспекта указанной проблематики, отсутствием работ, ориентированных на построение болгарско-русских параллелей в области целевых и причинных союзов и структур, в которых они функционируют, и способов их перевода с болгарского на русский язык.

Актуальность работы определяется и тем, что, несмотря на то что в болгарской лингвистике предложения с придаточными цели и причины регулярно рассматриваются в описательных грамматиках и – в меньшей мере – в научных работах, основные особенности их структуры и семантики еще не получили подробного описания и не проверялись статистическими данными. Между тем, в связи с широким набором союзов цели и причины в болгарском языке, требуется исследование семантических и структурных свойств предложений, их включающих, – как в рамках одного языка, так и в сопоставлении с русским.

В сопоставительном аспекте особого внимания требует исследование структурной специфики целевых придаточных. Основное отличие между выражением целевых

отношений в русском и болгарском языках на уровне сложного предложения определяется тем, что в процессе исторического развития болгарского языка инфинитивные позиции (а также позиции некоторых причастий и супина) под воздействием балканской языковой среды были замещены так называемой *да*-конструкцией.

На уровне сложного предложения именно целевые придаточные – ранее других – претерпели экспансию *да*-форм. На этой основе развился и ряд других целевых союзов (см. гл. II п. 2). Наиболее значимо то, что *да*-конструкция накладывает значительные модально-темпоральные ограничения на форму глагола, а также требует обязательной контактности элемента *да* с глаголом. Это порождает двойственный и лингвистически дискуссионный статус элемента *да* в союзной функции: он имеет характеристики союза и одновременно приглагольной частицы, что определяет ряд его нетривиальных черт, сохраняющихся даже в тех случаях, когда *да* входит в состав сложных целевых союзов.

Другие важные и неразработанные в лингвистике сопоставительные вопросы касаются особенностей многих союзных средств связи в данных предложениях: и тех, которые, на первый взгляд, являются эквивалентами (ср. болг. *тъй като* – рус. *так как*), и специфических для каждого языка (болг. *да не би да, колкото да*, рус. *а то* при его лишь частичном пересечении с болг. *че* и др.).

Материал для исследования был собран из художественных произведений болгарских писателей XX века, начиная с конца 1930-х (Д. Димов) до 1960-1980-х гг. (Д. Димов, Б. Райнов, Б. Априлов, П. Вежинов) и начала XXI века (П. Христозов) и переводов их произведений на русский язык (см. список источников). Основу корпуса составляют произведения, включенные в Параллельный корпус болгарских и русских текстов (Успореден корпус на руски и български текстове), подготовленный лингвистами Великотырновского университета св. Кирилла и Мефодия. Корпус, используемый для статистических подсчетов, составляет 1129 употреблений болгарских целевых союзов и 952 употребления причинных союзов, и их переводы на русский язык, собранные методом сплошной выборки. Для более полной иллюстрации свойств болгарских союзов производилась частичная выборка дополнительного материала из ряда других произведений Д. Димова, Б. Райнова, А. Гуляшки. Общий корпус примеров составил 2123 болгарских и 1947 русских употреблений (последняя цифра включает и русские контексты, не содержащие сложных предложений с рассматриваемыми придаточными, но являющиеся функциональными переводческими соответствиями для болгарских).

Объектом исследования в данной работе являются сложные предложения с придаточными цели и причины в болгарском языке и их переводческие соответствия в русском языке.

Предметом исследования выступают структурно-семантические и коммуникативные свойства сложных предложений с придаточными цели и причины в болгарском языке в сопоставлении с русским языком.

Целью настоящей работы является установление синтаксических, семантических, коммуникативных характеристик болгарских целевых и причинных союзов на фоне русского, особенности организации сложноподчиненных предложений с такими союзами, а также выявление их эквивалентов в русском языке.

Для достижения данной цели решаются следующие **задачи**:

1. Опираясь на данные предшествующей лингвистической литературы, определить основные черты понятий цели и причины, описать основные способы их выражения на уровне сложноподчиненных предложений, выявить конструкции, в которых происходит пересечение этих значений.

2. Установить список целевых союзов современного болгарского языка, описать их структурно-семантические свойства и контексты употребления.

3. Проанализировав корпус примеров с целевыми союзами, выявить признаки предложений с «собственно-целевым» значением, в отличие от «несобственно-целевых».

4. На основе собранного материала описать основные причинные союзы болгарского языка, охарактеризовать их семантико-коммуникативные свойства и различия в употреблении. Выявить структурные особенности болгарских сложных предложений с придаточным причины, проистекающие из семантико-коммуникативных свойств причинных союзов.

5. На основе корпуса переводов болгарских сложных предложений с придаточными цели и причины на русский язык установить основные эквиваленты болгарских целевых и причинных союзов в русском языке.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Значения цели и причины, несмотря на значительные пересечения в их логических и семантических толкованиях, выражаются в языке на уровне сложного предложения разным набором союзных средств. Тем не менее их взаимопроникновение просматривается на периферии сложноподчиненных предложений цели и причины (например, несвободные конструкции со значением недостаточности, достаточности или чрезмерности; предложения с причинно-аргументирующим значением с союзом *за да*).

2. Особенности структуры целевых предложений болгарского языка определяются элементом *да*, морфологически занимающим промежуточное положение между союзом и элементом глагольной формы. Незаконченный процесс становления комплексов, содержащих *да*, как составных союзов выражается в их нетривиальных синтаксических

характеристиках: контактность *да* с глаголом, возможность разрыва компонентов союза на границе с *да* (за исключением союзов *за да* и *колкото (за) да*), жесткие ограничения на состав времен и наклонений сказуемого подчиненной предикации.

3. Наиболее семантически однозначным является целевой союз *за да*. В то же время имеются значительные зоны его конкуренции с союзом *да*. Выбор между целевыми союзами *за да* и *да* происходит на основе следующих факторов: 1) семантики предиката главной части; 2) семантико-синтаксической соотнесенности между частями сложного предложения.

Из всех болгарских целевых союзов только союзы *за да* и *колкото (за) да* выступают в качестве средства связи в антицелевых предложениях, где целевая семантика отсутствует, а также (за исключением редких причинно-следственных конструкций) отсутствуют отношения обусловленности.

4. Синтаксическая структура болгарского сложного предложения с придаточным причины, а именно расположение придаточной части по отношению к главной и способность к парцелляции придаточной части, связана с семантико-коммуникативными свойствами конкретного причинного союза, служащего средством связи в данном предложении. Семантико-коммуникативными свойствами союзов определяется и выбор между основными причинными союзами болгарского языка *защото*, *понеже* и *тъй като*: представлением категории причины как субъективного мнения (союз *защото*) или логического рассуждения (союзы *понеже*, *тъй като*).

Семантика целевых и причинных союзов определяет возможность их сочетания с частицами контраста: наличие дополнительных семантических оттенков у целевых и причинных союзов препятствует их сочетаемости с данными частицами.

5. Наборы союзов цели и причины в болгарском и русском языках имеют частичные параллели. Полная эквивалентность (с точки зрения семантики, структуры, стилистических свойств) наблюдается лишь у незначительной части союзов (*защото – потому что*), остальные союзы различаются по одной или нескольким характеристикам. Основные отличия в наборе союзных средств, не имеющих прямых болгарско-русских параллелей, особенно проявляются у тех союзов, которые обладают дополнительными семантическими оттенками. Они же определяют разнообразие грамматических трансформаций, используемых для передачи придаточных предложений с данными союзами на русский язык.

6. Среди русских целевых союзов союз *чтобы* наиболее часто выступает в качестве соответствия различным болгарским целевым союзам. Он является основным соответствием союзу *за да* и одним из основных соответствий союзу *да*. Дополнительные семантические оттенки других болгарских союзов при переводе на русский язык в случае выбора союза *чтобы* как их соответствия утрачиваются или выражаются лексически.

7. Русский бессоюзный целевой инфинитив выступает в качестве соответствия, главным образом, придаточным с союзом *да* и значительно реже – придаточным с союзом *за да*. Для целевых придаточных с союзом *да* он является одним из основных соответствий благодаря схожести некоторых синтаксических свойств, а именно синтаксической отнесенности к матричному предикату главной части и преимущественному употреблению после глаголов движения; и семантических ограничений, а именно неспособности выражать значения цели образа действия, агентивного следствия (косвенной цели) и антицелевое значение. В то же время значительные расхождения между русской и болгарской конструкциями наблюдаются в грамматических характеристиках (контроль референции, возможности отрицания, временная соотнесенность между частями целевого построения).

8. Среди русских союзов причины союз *потому что* наиболее часто выступает в качестве соответствия различным болгарским союзам причины. Русские союзы *поскольку* и *так как* не являются прямыми параллелями болгарских союзов *понеже* и *тъй като* из-за различий в стилистических особенностях данных союзов. Болгарские союзы причины *какъвто* и *че* не имеют прямых соответствий среди русских союзов причины, поэтому для передачи придаточных предложений с данными союзами в переводах на русский язык используются различные грамматические трансформации.

Методы исследования. Для решения поставленных задач применялись описательный и сопоставительный методы исследования, метод количественного подсчета для оценки частотности используемых синтаксических средств, методы синхронного и диахронного сравнения и сопоставления данных, метод трансформационных преобразований.

Научная новизна работы определяется тем, что в ней впервые осуществлено многоаспектное исследование болгарских сложноподчиненных предложений цели и причины. Результаты опираются на данные сплошной корпусной выборки из текстов художественной прозы. Впервые получает освещение вопрос обусловленности характеристик болгарских предложений цели и причины семантико-коммуникативными свойствами того или иного союза. Проблема вычленения спорных зон и конструкций неясного семантического статуса получает системное решение. В рамках сопоставительного лингвистического анализа устанавливаются пересечения и расхождения между болгарским и русским языками в наборе как союзов, функционирующих в данных типах придаточных, так и конструкций, их включающих. Предложена система функциональных параллелей между наборами союзов в исследуемых языках.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что на примере сложноподчиненных предложений с придаточными цели и причины показана сложность и неоднозначность взаимодействия философско-лингвистических категорий цели и причины.

Поскольку выбранные для анализа синтаксические явления являются основными (ядерными) средствами языкового проявления этих категорий, проведенное исследование позволяет показать, как в языке отражается специфика каждого из изучаемых значений и зоны, в которых они смыкаются и/или комбинируются.

Практическая значимость данного исследования определяется возможностью использования материала, полученных выводов и выявленных закономерностей в лекционных курсах и на практических занятиях по синтаксису болгарского языка, по художественному переводу с болгарского языка, в курсе «Теория и практика перевода», как и в переводческой деятельности в целом, а также при лексикографическом описании союзов.

Теоретико-методологическую базу диссертационного исследования составили логико-философские и лингвистические исследования о категориях цели и причины (Н. Д. Арутюнова, О. Ю. Богуславская, И. Б. Левонтина, Е. В. Рахилина, Т. В. Радзиевская, Г. В. Савичуте, А. К. Жолковский, Ю. Д. Апресян); работы по сопоставительной грамматике болгарского и русского языков (Е. Ю. Иванова, А. А. Градинарова); работы, посвященные исследованию болгарских и русских союзов цели и причины (прежде всего, З. Геннадиева-Мутафчиева, С. Петрова; Н. М. Стойнова, А. Б. Летучий, О. Е. Пекелис); труды по грамматике болгарского языка (И. Недев, С. Брезински и др.); работы по семантике отрицания (Е. В. Падучева, И. М. Богуславский); исследования, посвященные истории болгарского языка и старославянскому языку (К. Мирчев, А. Минчева, М. Деянова, В. Вьтов, Н. Милева; С. А. Аверина, Т. А. Иванова).

Апробация исследования. Основные положения диссертации были представлены на II Международном научно-методическом семинаре по болгарскому языку, литературе, культуре и истории (Бердянск, 16-17 мая 2013 г.); на XLIV Международной филологической конференции в СПбГУ (Санкт-Петербург, 2015 г.); на Международной конференции «Роль славянской молодежи в процессе устойчивого цивилизационного развития» (Москва, 28 мая 2015 г.); на XLV Международной филологической конференции в СПбГУ (Санкт-Петербург, 2016 г.); на XLVI Международной филологической конференции в СПбГУ (Санкт-Петербург, 2017 г.).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав и заключения. В работе имеются две таблицы, отражающие статистические результаты исследования. В конце работы приводится список источников и их сокращений, список использованной литературы.

Во **Введении** обосновывается актуальность и научная новизна исследования, определяются цель и задачи работы, ее теоретико-методологическая база, теоретическая и практическая значимость, излагаются основные положения, выносимые на защиту, указываются источники материала, на котором выполнено исследование, и методы его анализа.

В главе I «**Цель и причина как лингвистические категории**» рассматривается содержание и взаимосвязь понятий цель и причина, предлагается обзор проблематики, связанной со способами их синтаксического выражения на уровне простого и сложного предложения.

В языкознании уже достаточно давно предпринимаются попытки сформулировать определение лингвистической категории цели (Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина, О. Е. Богуславская, см. определение Ю. Д. Апресяна, содержащее определяющие семантические компоненты понятия *цель*: «цель – это то, что некто хочет (содержание чьего-либо желания) и считает, что может каузировать (результат каузации) с помощью имеющихся в его распоряжении ресурсов» [Апресян 1995]). В целом, понятие цели является сложным многогранным понятием, состоящим из нескольких смыслов, которые тесно связаны между собой и часто неотделимы друг от друга, так же как и любой целевой акт состоит из нескольких этапов, не всегда четко разграниченных друг от друга.

Понятие цели связано с субъектом целеполагания. Каноническим субъектом цели является человек или некая общность людей [Левонтина 2006]; применимость понятия цели к животным может быть более или менее допустима по нормам русского языка; абсолютно неприменимо понятие цели к предметам, не способным к сознательной деятельности. И. Б. Левонтина выделяет три непрототипических субъекта целеполагания в ситуации, когда фигура субъекта целеполагания теряет определенные очертания: провиденциальный (некая высшая сила), обобщенный субъект (все люди вообще и каждый в отдельности) и квази-субъект (в случаях, когда говорится о возможностях использования предмета) [Левонтина 1996].

Понятие предназначения тесно связано с понятием цели и часто отождествляется с ним в языке. Специфика понятия предназначения связана с тем, что предназначения, в отличие от цели, статичны и имеют вневременной характер. Они гетерогенны и неконкретны и определяются не действием, а самим существованием объекта. Смысл «предназначение» связан с вопросом *для чего?* Предложения предназначения включены в исследования как разновидность целевых предложений.

Важным понятием для выявления собственно-целевого значения является **понятие контролируемости**. Контролируемость является семантическим свойством предиката и понимается как потенциальная способность агенса совершать данное действие [Падучева

2004]. Некоторые группы предикатов не способны выражать контролируемое действие в принципе: физиологические реакции человека на внешние или внутренние раздражители – глаголы типа *чихать*, *икать*; физически выраженные реакции человека на эмоциональные раздражители: *вздрагивать*, *рыдать*; нечаянные физические действия типа *споткнуться*, *уронить*; промахи и ошибки при осуществлении целенаправленных действий: *ошибиться*, *обознаться* [Арутюнова 1999]. Наиболее важным для нас грамматическим следствием является неспособность предиката неконтролируемого действия присоединять придаточное со значением цели; предикат неконтролируемого действия не допускает и препозитивное расположение придаточного с целевым союзом: **Чтобы остаться в памяти потомков, Пастер умер от чумы* [Булыгина, Шмелев 1997].

Понятие *причины* тесно связано с понятием факта [Степанов 1991]. Факты формируются на основе суждений человека о действительности и являются вторичными по отношению к суждениям. Факт, в отличие от реальности, не существует независимо от человека: «человек вычленяет фрагмент действительности, а в нем определенный аспект, концептуализирует его, структурирует по модели суждения (т.е. вводит значение истинности), верифицирует и тогда только он получает факт» [Арутюнова 1988]. Понятие *причины* неоднородно, и включает в себя следующие противопоставления: внутренней причины и внешней, логической и онтологической, объективной и субъективной. Различия между объективной и субъективной причины проявляется в языке в следующих категориях: обязательность, единственность, временная последовательность [Богуславская 2008]. Внешняя и внутренняя причина также противопоставлены между собой в языке, что проявляется в сочетаемости причинных предлогов русского языка. Внутренняя причина понимается как состояние, чувства или мысли человека, каузирующие его действия, внешняя причина – локализованные вне субъекта, не зависящие от его воли факторы [Богуславская, Левонтина 2004].

Цель и *причина* являются разными концептами, но находятся в соотносительности, что иногда ведет к их поверхностному неразличению в языке, например, при ответе на вопрос «Зачем?». В таких случаях *причина* отождествляется с мотивом действия, тесно связанным с его *целью*. Связь понятий причины и цели в языке проявляется и в том, что понятие *причина* входит в толкование понятия цели дважды: «с одной стороны, человек готов совершить определенные действия, **потому что** считает, что они приведут к желаемому результату, с другой стороны, желаемый результат достигается, **потому что** совершаются определенные действия» [Богуславская, Левонтина 2004]. Различия между причиной и целью проявляются на различных уровнях восприятия, прежде всего, во временном плане, так как *цели* мыслятся как будущее действие, а *причины* относятся к плану прошлого. Кроме того, категория *цели*, в

отличие от *причины*, имеет ценностную нагруженность – наличие целей у субъекта осмысливается как некая положительная черта.

На синтаксическом уровне понятия цели и причины выражаются разнообразными способами. На уровне простого предложения основные различия болгарского и русского языков связаны прежде всего с утратой болгарским языком падежной системы. Русский язык, по сравнению с болгарским, имеет больше структурно-синтаксических вариантов: различные предложно-падежные формы и целевой инфинитив для выражения целевых отношений, предложно-падежные формы и беспредложные словосочетания, а также деепричастие с зависимыми словами для выражения причинных отношений, в то время как в болгарском языке отношения цели и причины на уровне простого предложения передаются преимущественно с помощью предлогов, отношения причины в болгарском языке способны также передаваться с помощью деепричастия.

На уровне сложного предложения в обоих языках ядерным средством выражения цели и причины являются сложноподчиненные предложения с соответствующими придаточными. Основная нагрузка выражения смысловых отношений между частями предложений падает на союз, который, как правило, имеет четко выраженную семантику. Болгарский язык располагает широким набором целевых и причинных союзов, в основном дифференцированного значения. Союзы различаются по отнесенности к тому или иному стилю речи, по способности вносить в предложение дополнительные семантические оттенки. Как будет показано в работе, как в рамках целевых, так и причинных союзов можно говорить о разном наборе характеристик не только стилистического и семантического плана, но и коммуникативно-семантических и структурных.

Система русских целевых и причинных союзов, с которыми производится далее сопоставление союзов болгарского языка, и особенности предложений с этими союзами раскрывается, прежде всего, с опорой на работы А. Б. Летучего, Н. М. Стойновой, О. Е. Пекелис, В. Ю. Апресян, Н. С. Валгиной, Г. И. Кустовой, Л. Н. Иорданской, а также основные грамматики. В дальнейших главах, учитывая указанные труды, выводятся русские соответствия болгарским целевым и причинным предложениям (на основе параллельных корпусов) и обосновывается выбор того или иного союза.

В главе II «Сложные предложения с придаточным цели в болгарском языке в сопоставлении с русским» рассматриваются семантико-коммуникативные и структурно-синтаксические особенности сложных предложений с придаточным цели в болгарском языке и их русские соответствия, а также предложения, где целевое значение модифицировано или отсутствует.

Наиболее частотными из выявленных целевых союзов (*за да, да, че да, та да, (за) да не би да, колкото (за) да*) являются союзы *за да* (60,7%) и *да* (36,3%). Союз *за да*, в отличие от многофункционального союза *да*, является целевым союзом дифференцирующего типа; он употребляется во всех стилях литературного языка и в народно-разговорной речи. Употребление союзов *за да* и *да* определяется, прежде всего, тематическим классом предиката главного предложения:

1) Союз *за да* вводит придаточную часть в основном после глаголов движения и речевого действия – 24,5% и 22,6%: *Тичаха до "Варшава", за да стоплят поне вкочанените си крака* (П. Вежинов); *Казал го е, за да ви успокои – отсъжда дамата* (Б. Райнов); ср. при глаголах ментального действия (7%), социальных и межличностных отношений (6,9%), глаголах восприятия и обнаружения (5,9%), принятия положения и движения частей тела (5,9%), донативных глаголах (5,6%), глаголах физического воздействия (5,1%) и целеустремленной деятельности (5%), глаголах создания (2,6%) и др., например: *Запомни това, за да не изпревариш Тодор Живков* (П. Христов); *Той ме поглежда бегло, за да провери дали го будалкам* (Б. Райнов).

2) Большая часть употреблений союз *да* зафиксирована после глаголов движения – в 56,7% случаев: *Дойдох да ми напишете една буква С* (Б. Априлов); вторую по величине группу составляют глаголы социальных отношений (15,4%): *Няма да го събудим сред нощ да те показваме!* (П. Вежинов). Остальные группы глаголов представлены немногочисленными примерами, среди них глаголы принятия положения (8,6%), речи и передачи сообщения (5,1%), восприятия и обнаружения (3,2%), донативного действия (3,5%), создания (2,2%) и др.: *Добре, ако разрешите ще седна да напиша смъртния акт — каза лекарят* (П. Вежинов); *Казвам ти, да го знаеш* (Б. Априлов).

В целом, хотя некоторые классы предикатов совпадают для обоих союзов, союз *за да* вводит целевые придаточные после большего числа семантических групп глаголов, в том числе и после групп, находящихся на периферии акционального класса, в то время как основная доля употреблений союза *да* приходится на типичные целевые предикаты. Союз *да* практически не употребляется после ментальных глаголов и глаголов эмоционального состояния, а также практически не используется после глаголов физиологического действия и бытийных (зафиксированы лишь единичные случаи), исключение составляют глаголы восприятия и обнаружения, которые составляют немногочисленную группу.

Различия между двумя союзами связаны и с их синтаксическими свойствами: союз *да* может проявлять некоторые свойства актантов, о чем свидетельствует тест на вынос вопросительного слова из придаточного предложения: *Делегация — обяви звънко Лиза. —*

Дошли са да ви връчат орден (Б. Райнов). – Какво са дошли да ви връчат? Ср. также *А на кого отидохте да телефонирате?* – *На Мони* (Б. Райнов).

Остальные целевые союзы, выявленные в ходе нашего исследования, – *та да, че да, (за) да не би да, колкото (за) да* – употребляются реже и вносят дополнительные семантические оттенки в предложение благодаря входящим в их состав компонентам. Союзы *та да* и *че да*, привносящие в предложение оттенок следствия, употребляются в 1,9% и менее чем в 1% примеров соответственно: *Ако се подпали къщата — пак няма да разбереш. Сега ще ядеш прегорели сарми, та да ти дойде умът в главата!* (П. Вежинов); *Ами елате вие се разправяйте с тоя ревлъ, че да ви видя* (Б. Райнов). Союз *(за) да не би да*, передающий оттенок опасения, употребляется в менее чем 1% примеров: *Качиха се на стария форд таунус с хиляди предпазливости да не би отнякъде да ги зърнат органите на КАТ* (П. Вежинов). Союз *колкото да*, свидетельствующий о формальном выполнении действия, также зафиксирован менее чем в 1% примеров: *Ще се видим утре към десет - каза той. - Колкото да уточним програмата* (П. Вежинов).

Целевые предложения в болгарском языке имеют ряд общих структурных особенностей:

1) Тенденция к постпозиции придаточной части предложения – 92%. Препозиция или интерпозиция придаточной части выявлена только для предложений с союзом *за да*: *За да оползотворят гладките пътища, хората започнаха да си купуват автомобили* (Б. Априлов). Нехарактерность препозиции для других союзов может быть связана для союза *да* – с его многозначностью, для других союзов – с добавочными семантическими оттенками, которые препятствуют препозитивному расположению.

2) Возможность разрыва частей некоторых целевых союзов одной или более синтаксическими группами, что связано с тем, что одной из грамматических характеристик *да*-конструкции является обязательная контактность элемента *да* с глаголом. Наиболее обычные для вставки перед *да* группы – это коммуникативно выделенные обстоятельства и группа подлежащего. По данным нашего материала, разрыв союза не осуществляется не только при союзе *за да* (который считается единственным неразрывным целевым союзом болгарского языка), но и при союзе *колкото да*.

3) Различные варианты отнесенности придаточной части к матричному предикату главной части, который может быть выражен глаголом или его производными – деепричастием, причастием, отглагольным существительным. Для предложений с союзом *за да* характерна отнесенность не только к матричному предикату, но и тесная семантическая связь с обстоятельством образа действия (как в примере далее); дополнением; определением: *Прибра се в къщи много тихичко, за да не събуди майка си* (П. Вежинов), что может

подчеркиваться позицией придаточной части или опущением матричного предиката: *И тъй — до утре — каза академикът. — Най-добре привечер — към седем часа. **За да** има време да поговоря с момчето* (П. Вежинов). Для союза *да* характерна тесная связь именно с предикатом главной части, что подчеркивается позиционно: *Към три часа една от секретарките на Уорнър идва да вземе паспорта ми* (Б. Райнов). Данное свойство – отнесенность именно к предикату главного предложения – также говорит о некоторых актантных чертах предложений, вводимых данным союзом.

5) Наличие как моносубъектной, так и разносубъектной структуры предложения; примеры разносубъектных предложений зафиксированы с каждым целевым союзом. Доля разносубъектных предложений наиболее высока для союза *та да* (50%) и *да не би да* (40%).

б) Ограничения на модально-временную форму глагола в придаточной части, а именно использование настоящего времени изъявительного наклонения или (в менее 1% примеров) пересказывательной формы настоящего времени глагола-сказуемого придаточной части для передачи информации с чужих слов или для выражения недоверия к подобной информации: *Криста седна до него и веднага ги пъкна под носа му, **за да** ги помиришел* (П. Вежинов).

8) Союзы *за да* и *да* показывают сочетаемость с контрастивными частицами *само* и *именно*: *Търсим я само за да поговорим човешки, нищо повече* (Б. Райнов); целевые союзы, имеющие дополнительные семантические оттенки, с контрастивными частицами не употребляются, что объясняется спецификой семантики контраста: контрастивные частицы при целевом союзе выделяют одну, вводимую данным союзом, цель действия на фоне возможных других его целей; при употреблении союзов, имеющих дополнительную семантику, в фокус частиц контраста попадали бы и оттенки следствия и опасения и направленность противопоставления была бы неясной

Кроме того, для союзов *за да* и *да* характерно проявление непосредственной связи не с действием, а с субъектом в конструкциях со значением предназначения: *Но нима тия жени са да бъдат гледани от работници?* (Д. Димов) В немногочисленных случаях данные союзы вводят придаточное предложение после существительного, выполняя, помимо целевой, определительную функцию: *Да, защото съм емигрант и българските власти ми отказват паспорт, за да пътувам по света* (П. Христозов).

Отрицание в целевых предложениях. Зафиксированы различные варианты постановки отрицания в предложениях с союзами *за да* и *да*: отрицание при предикате главной части, при предикате придаточной части, перед целевым союзом. Наиболее неоднозначным является отрицание при предикате главной части, которое может распространять или не распространять сферу действия на придаточную часть. В нашем

корпусе наиболее частотен первый случай: *Никога не се бе обръщал назад, **за да** огледа пътя си* (П. Вежинов). В данных предложениях представлена не реальная, а предполагаемая цель, ради которой действие могло бы осуществиться, если бы у субъекта было намерение его совершить. Целевое придаточное предложение здесь приближается к роли актанта, становясь обязательным участником ситуации, поэтому на него распространяется сфера действия отрицания [Падучева 2011].

В единичных случаях отрицается только действие главной части, а придаточное предложение не включено в сферу действия отрицания. Как правило, отрицание присутствует при предикатах обеих частей: *Днес няма да ходите в парламента. Услугата, която се иска от вас, е да не присъствате в пленарната зала, **за да** не гласувате* (П. Христов). Кроме того, отрицание при предикате главной части может являться результатом подъема отрицания, ср.: *Не криех нищо, **за да** се отърва от тях* (Д. Димов); *Не съм дошъл да ме питате, **а да** ви питам!* — извика Лиско (Б. Априлов). Постановка отрицания при предикате придаточной части наиболее характерно для союзов *за да* (11,7%) и *и да* (1,8%): *Запомни това, **за да** не изпревариш Тодор Живков* (П. Христов); *Чувството бе толкова непоносимо, че притвори очи **да** не вижда* (П. Вежинов).

Зафиксирована также постановка отрицания при целевых союзах – во всех подобных случаях имеет место противопоставительное отрицание, когда после отрицаемой цели следует указание на истинную: *Казвам тия страшнички думи не **да** ви плаша, както вече успях да изплаша мнозина, **а да** ви обърна внимание на сериозността на проблема* (П. Вежинов).

В целом выражение отрицательных смыслов не характерно для целевых предложений. Ограниченный характер употребления отрицания в целевых предложениях обусловлен сущностью понятия цели, которое прежде всего связывается с неким активным действием субъекта, но не с его бездействием.

Целевые предложения показывают высокую степень семантико-синтаксической связанности частей, так как придаточное предложение, как правило, подпадает под сферу действия отрицания при главном предикате.

Русские соответствия болгарских целевых придаточных предложений. Союз *чтобы* выступает основным переводческим соответствием союзу *за да* (68,9%) и может выступать в качестве переводческого соответствия всем другим целевым союзам болгарского языка. Однако союз *за да*, в отличие от русского *чтобы*, является целевым союзом дифференцирующего значения. Данным отличием может объясняться их соответствие только в 68,9% случаев. В остальных случаях для наиболее полной передачи целевой семантики выбираются различные грамматические трансформации.

Другие русские целевые союзы употребляются при переводе значительно реже: союзы *дабы* и *только бы* в нашем корпусе выступают только в качестве соответствия союзу *за да* в 1,4% и менее чем в 1% примеров соответственно, союз *лишь бы* выступает в качестве эквивалента союзам *за да* (1,1%) и *да* (менее 1%). Выбор союза *дабы* при переводе болгарских целевых предложений обусловлен его стилистической принадлежностью к высокому стилю, выбор союзов *только бы*, *лишь бы* обуславливается семантической спецификой данных союзов – усиленным, подчеркнутым стремлением к цели, готовностью пойти на жертвы ради ее достижения: *Струваше ми се, че бих дала всичко да го видя унижен или безпомощен пред коя да е жена* (Д. Димов). — *Мне казалось, я отдала бы все на свете, лишь бы увидеть его униженным и беспомощным перед какой-нибудь женщиной* (пер. Н. Попова)

Русский целевой инфинитив употребляется в основном при переводе болгарских целевых предложений с союзом *да* (24,9%), что объясняется структурно-семантическими свойствами данного союза, схожими со свойствами русского целевого инфинитива: ввод придаточного предложения после глаголов движения – группы глаголов, после которой характерно употребление целевого инфинитива в русском [см. Стойнова (в печати)]; отнесенность к предикату главного предложения; употребление в постпозиции: *Събуди се към пет часа и слезе в бара да пие кафе* (Д. Димов). — *Проснулся он около пяти и сошел в бар выпить кофе* (пер. Т. Рузской).

В качестве наиболее характерных расхождений между болгарским целевым *да*-предложением и русским бессоюзным целевым инфинитивом выступают следующие:

- 1) независимость целевых *да*-предложений от контроля референции (при этом однореферентные конструкции преобладают);
- 2) возможность выражения *да*-конструкцией таких положений дел, где целевая ситуация совпадает по времени с ситуацией-посылкой;
- 3) бóльшая свобода постановки отрицания в болгарских конструкциях, то есть допустимость отрицания при предикате придаточной части ('чтобы не V') (ср. *Чувството бе толкова непоносимо, че притвори очи да не вижда* (П. Вежинов) и рус. *прикрыл глаза не видеть).

В то же время бессоюзный целевой инфинитив и *да*-конструкция совпадают в большей части семантических ограничений:

- 1) не выражают значения цели образа действия;
- 2) не выражают значения агентивного следствия (косвенной цели);
- 3) не могут выражать антицелевое значение, однако, по-видимому, для русского бессоюзного инфинитива эти ограничения более строги, см. болгарские конструкции с

причинно-следственным значением: *Кажми ми докога ще бягаши от къщи да тревожиши всички?* (Б.Априлов) (ср. рус. *До каких пор ты будешь сбегать из дома волновать всех).

В то же время болгарское *да*-предложение, как и русский бессоюзный инфинитив, может употребляться в случаях, когда при матричном глаголе движения сказуемое в целевом расширении имеет интерпретационный характер: *Дори не съм излизал от къщи, ако не се смятат краткотрайните прескачания до фурната и бакалницата в дните, когато чистачката идва да ми досажда* (Б. Райнов).

Наибольший процент грамматических трансформаций при переводе на русский язык показывают предложения с союзами, имеющими дополнительные модальные оттенки, – *та да*, *че да* и *да не би да*, что объясняется отсутствием в русском языке союзов, привносящих в предложение подобную семантику (соответственно следствия и опасения), ср. включение в русский перевод лексического оборота *в следующий раз*: *Сега ще ядеш прегорели сарми, та да ти дойде умът в главата!* (П. Вежинов). — *Вот накормлю тебя горелыми голубцами, в следующий раз будешь умнее* (пер. Л. Лихачевой).

Среди грамматических трансформаций при переводе болгарских целевых предложений наиболее распространены замена целевой придаточной части на словосочетание с целевым предлогом, передача целевого придаточного с помощью деепричастия с зависимыми словами, перевод с помощью простого предложения с однородными сказуемыми.

Несвободные конструкции с несобственно-целевой семантикой в болгарском и русском языках. К таким предложениям мы относим конструкции, где целевая семантика ослабевает или полностью отсутствует – это предложения достаточного и необходимого основания, где в качестве обязательного структурного элемента присутствуют лексемы достаточности (*достатъчно*, *достатъчен*) и необходимости (*трябва*, *необходимо* и др.) соответственно: *Достатъчно е да се върнете в родината си, за да почувствувате неразрушимата сила на миналото* (Д. Димов); *Но трябваше да започне веднага работа, за да осигури гръб на семейството* (П. Христозов).

Данные группы предложений отличаются по своей семантике от целевых прежде всего тем, что в главной части нет указания на то, что субъект совершает или намеревается совершить какое-либо действие для достижения желаемой цели, обозначенной придаточным предложением, а только указывается, что, при наличии у субъекта желания достичь цели, указанной в придаточной части, ему необходимо или достаточно совершить действие, указанное в главном.

Предложения необходимого основания. Среди данной группы выделяются две структурные разновидности: конструкции с безличным глаголом *трябва* и *да*-конструкцией

в главной части, указывающие на необходимость совершения какого-либо действия для достижения цели: *Трябва да се видя с тоя тип, за да се разберем веднаж завинаги* (Б. Райнов); и предложения с личным глаголом *трябва* в главной части, где указывается необходимость обладания каким-либо предметом или признаком для осуществления ситуации придаточной части: *Наясно сте що за хора са днешните българи, това е добре, но за да ги управлявате, ще ви трябва екип* (П. Христозов).

При употреблении в главной части предиката неконтролируемого действия или глагола *съм* в функции связки и последующим прилагательным отношения между частями предложения близки к условно-следственной связи: *Трябва да си пиян, за да откажеш подобна квартира, а аз не мога непрестанно да играя ролята на пиян* (Б. Райнов). Предложения, где в главной части содержится предположение (в главной части присутствует глагол *трябва* в эпистемическом значении), получают причинно-аргументирующее значение, находясь, таким образом, на периферии выражения отношений цели и причины: *И животът му с Мария трябва да бе станал непоносим, за да прави това* (Д. Димов).

Предложения достаточного основания. Среди данной группы можно выделить две синтаксические разновидности: предложения с лексемой *достатъчно* в предикативной функции в главной части, вводящей действие, цель которого указывается в придаточном предложении: *Защото достатъчно е да разгледате по-внимателно картината, за да разберете епилога* (Б. Райнов); и предложения с предикативным словом *достатъчен* при подлежащем с количественным значением: *<...> ще бъде достатъчна само една дребна искра, за да се разрази катастрофата* (Б. Райнов).

В предложениях достаточного основания указывается не просто достаточное, а минимальное основание для совершения действия придаточной части, что может подчеркиваться и лексически (наречиями типа *веднъж* или ограничительными частицами типа *само*), например: *Достатъчно е веднаж да надзърнеш при секретарката на Еванс и веднаж да разгледаш фасадата, за да се убедиш* (Б. Райнов). Предложения достаточного основания в нашем корпусе являются несвободной структурой: препозиция придаточной части не зафиксирована.

Существует также ряд других предложений несвободной структуры, оформленных с помощью целевых союзов, но не имеющих целевой семантики. Данные конструкции выражают отношения обусловленности, но не целевой, а причинно-следственной. Такие предложения можно подразделить на две группы:

1) предложения контрфактивного следствия, где содержание главной части делает невозможным осуществление ситуации, указанной в придаточной. Эти предложения строятся по схемам *не съм + N, да <за да, та да>*: *И аз не съм следовател, за да търся*

доказательства (Б. Райнов); *не съм тѝй <толкова, дотам>... , да <за да, че да, та да>*: *Разбира се, Фани не бе тѝй наивна да вярва безусловно в думите на набожния дон Алехандро* (Д. Димов); *твърде <прекалено, много>... , за да*: *Думите на Фани бяха твърде остри, за да не го засегнат* (Д. Димов); часть предложений *достатъчно ... за да <да>*: *Виe достатъчно ги разбирате тия неща, за да е нужно да ви обяснявам <...>* (Б. Райнов);

2) предложения гипотетического следствия, где ситуация придаточного предложения может осуществиться благодаря ситуации, указанной в главной части. Эти предложения строятся по схеме *достатъчно ... за да <да>*: *Тя е в бледосиня ленена рокля, достатъчно къса и достатъчно тясна, за да не скрива нищо, заслужаващо внимание* (Б. Райнов).

Предложения гипотетического и контрфактивного следствия указывают на причинно-следственные отношения. Общее их толкование может быть сформулировано следующим образом: если бы у X-а была цель (предназначение), о котором сообщается в придаточном предложении, то он бы не смог (смог) ее осуществить из-за наличия (отсутствия) признака, указанного в главной части.

Переосмысление целевого значения. Переосмысление целевого значения происходит в результате смыслового несоответствия предикативных частей. Действие главной части не направлено на достижение ситуации придаточной части, а в некоторых случаях направлено на достижение прямо противоположной ситуации. Выявлены следующие семантические разновидности:

1) предложения с семантикой следования, в которых в хронологическом порядке указываются сменяющие друг друга действия: *Моторът забучава и колата рязко потегля, за да изчезне тутакси зад дърветата* (Б. Райнов);

2) предложения с противопоставительным значением, в которых в придаточной части указывается результат действия, названного в главной части, незапланированный и противоположный ожидаемому: *Бягаи от фиктивния преследвач, за да попаднеш на истинския* (Б. Райнов);

3) предложения с причинно-следственным значением (единичные примеры), в которых придаточная часть является следствием действия, указанного в главном предложении: *Болните бяха изскочили от палатките си, тичаха в паника по всички посоки и мнозина се бяха разбягали вече в околността, за да разнасят епидемията* (Д. Димов).

Данные конструкции имеют и структурные отличия от целевых предложений, которые проявляются в несвободной позиции придаточной части: во всех семантических типах предложений позиция придаточной части закреплена строго за главной, а также в выборе средств связи: придаточная часть вводится союзом *за да* (в единичных случаях – *колкото (за) да*). Выявляются также (необязательные) особенности лексического

наполнения: антонимы в обеих частях предложения; предикаты неконтролируемого действия в главной части; отсутствие целеполагающего субъекта в главной части.

Глава III «Сложные предложения с придаточным причины в современном болгарском языке в сопоставлении с русским» посвящена рассмотрению семантико-коммуникативных свойств и структурно-синтаксических особенностей болгарских причинных союзов и предложений с данными союзами, а также выявлению их русских соответствий.

Наиболее частотными средствами связи в болгарских сложных предложениях с придаточным причины выступают союзы *защото* (в 68,2% собранных примеров предложений причины), *понеже* (21,2%) и *тъй като* (9%). Выявлены следующие различия в их семантико-коммуникативных и синтаксических свойствах:

1) Союз *защото*, наиболее частотный союз причины в нашем корпусе, выражает причинные отношения, не осложненные дополнительными семантическими оттенками, в то время как союзы *понеже* и *тъй като* эксплицитно указывают на логические связи между соединяемыми предикациями: они вводят причину как объективную, как основание для вывода, представленного в главной части (при препозиции): *Мислил съм по този въпрос... Струва ми се, че **тъй като** на света трябва да има всичко, има ги и тях* (Б. Априлов); или как аргумент в пользу высказанного утверждения (при постпозиции): *Нямам склонност към вещи, а най-хубавите от тях бе прибрала жена ми, с основание, разбира се, **понеже** ги бе купувала самата тя* (П. Вежинов). Союз *защото* способен вводить причину как субъективное мнение говорящего, что доказывает его сочетаемость с маркерами неуверенности типа *вероятно*, *навярно*, а также употребление, в отличие от союзов *понеже* и *тъй като*, в эмоционально окрашенных (восклицательных) высказываниях: *Държах се **тъй**, **защото** не допусках, не исках да бъдеш Ередиа!...* (Д. Димов).

2) Для придаточных предложений с союзами *понеже* и *тъй като* не характерен отрыв от главной части вследствие семантических свойств данных союзов – представление главного и придаточного предложений как связанных частей логического рассуждения. Зафиксированы единичные случаи парцелляции для предложений с союзом *понеже*, при этом препозитивное придаточное предложение при отрыве от главной части всегда прочитывается как прерванное высказывание и требует продолжения или особого контекста. Случаев парцелляции придаточных предложений с союзом *тъй като* в нашем корпусе не выявлено. Напротив, для предложений с союзом *защото* процент парцелляции составляет 25%.

3) Союзы *защото*, *понеже* и *тъй като* отличаются по асертивному статусу вводимой пропозиции: информации, вводимой союзом *защото*, соответствует асерция, что подтверждается возможностью постановки отрицания к придаточному предложению с союзом *защото*: *Наистина ще му дам добра препоръка! И не защото искам да се отърва от тая гадина, това не е най-важното!* (П. Вежинов); информации, вводимой союзами *понеже* и *тъй като* соответствует презумпция при препозиции придаточной части (что связано с семантикой союзов – препозитивное придаточное с союзами *понеже* и *тъй като* является отправной точкой для рассуждений говорящего и не может подвергаться сомнению), асерция – при постпозиции. Статусу наличия причинной связи между главным и придаточным предложением соответствует асерция в обоих случаях.

4) Союзы *защото*, *понеже* и *тъй като* отличаются по способности сочетаться с контрастивными частицами *само*, *именно*, *не...а*. Свободную сочетаемость с ними показывает только союз *защото*, для союза *понеже* зафиксированы единичные случаи: *Аз искам тази сума тъкмо защото не ми липсва опитност* (Д. Димов); *Само че луксозните, Питър, никога не са свободни... Именно понеже са луксозни, някой преди тебе и мене се е сетил да ги набара...* (Б. Райнов). Такая сочетаемость находит объяснение в самой семантике контраста – нацеленность именно на причинные отношения, а также ввод известного обоим собеседникам множества.

5) Союз *защото* вводит только неизвестную для собеседника информацию, поэтому может находиться только в постпозиции. Препозиция придаточной части возможна при сочетании союза *защото* с контрастивными частицами и соположением с разделительным союзом *дали...или*, так как в этих случаях нарушается правило неизвестности информации, вводимой союзом *защото*: *Дали защото за момента е останала без интимни връзки или по друга причина, но Бренда твърдо се е насочила към мене* (Б. Райнов). Союзы *понеже* и *тъй като* способны вводить как известную, так и неизвестную адресату информацию, что подтверждается возможностью как препозиции, так и постпозиции придаточной части с данными союзами. Важным фактором является известность о возможности причинной зависимости между двумя подобными ситуациями адресату сообщения, благодаря чему он может проследить ход рассуждения.

6) Союз *понеже* способен вводить информацию придаточной части как данное, то есть информацию, уже активированную в предыдущем контексте. Это подтверждается его сочетаемостью (возможностью употребления с выражением *става дума* и соположением с сочинительными союзами *и*, *но*, которые связывают предложение с фактами или явлениями, упомянутыми ранее): *И понеже Урумов замълча, сам озадачен, експертът загрижено прибави: <...>* (П. Вежинов).

В целом, союзы *защото* и *тъй като* противопоставлены по своим синтаксическим свойствам (например, способность к парцелляции, сочетаемость с контрастивными частицами), а также по стилистической отнесенности, в то время как союз *понеже* во многих случаях проявляет неоднозначные свойства и разделяет часть свойств обоих союзов.

Остальные выявленные причинные союзы в нашем корпусе употребляются гораздо реже: союз *че* используется в 1% примеров, союз *какъвто* – менее чем в 1%. Союз *че* в болгарском языке выражает семантику альтернативной мотивации и связан с неназванным третьим действием, обратным содержанию главной части. Он вводит указание на действие, осуществление которого нежелательно, что подчеркивается и лексическим наполнением предложения: *Наберете ми водорасли, че ще пукна от глад* (Б. Априлов). Союз *какъвто* вводит придаточное предложение, в котором указываются качества характера субъекта, благодаря которым осуществляется ситуация, указанная в главной части предложения: *Явно, че [Беба] гори от желание да ми съобщи някои новини, но **какъто** си е методична, изчаква всяко нещо да дойде с времето си* (Б. Райнов).

Среди причинных предложений выделяются также предложения с причинно-аргументирующим значением, где выражаются отношения основания-вывода. Важной особенностью таких предложений, отражающейся на их синтаксической структуре, является фигура говорящего, который осуществляет вывод (ср. соответствующие маркеры): *Навярно и Доротея бе разбрала това, **защото** видях как с облекчение се усмихна* (П. Вежинов). Такие предложения составляют 4% от зафиксированных в нашем корпусе предложений с союзами причины.

Русские соответствия болгарских союзов причины. Союз *потому что* является соответствием болгарского союза *защото* в 66% случаев, а также способен передавать союзы *понеже* (11%) и *тъй като* (21%) при условии постпозитивного расположения придаточной части. Союз *поскольку*, считающийся переводческим соответствием болгарского союза *понеже*, передает его только в 24% случаев, что объясняется стилистическими различиями данных союзов. Тем же самым фактором мы объясняем сравнительно небольшой процент передачи союза *тъй като* союзом *так как* на русский язык (27%), в то время как данные союзы обычно считаются эквивалентами.

Другие русские союзы – *ибо*, *раз*, *оттого что* – выступают в качестве эквивалентов болгарским причинным союзам в немногочисленных примерах: выбор союза *ибо* обуславливается стилистическими особенностями высказывания; союз *раз* может выступать соответствием союзу *понеже* благодаря свойству вводить информацию как данное; союз *оттого что*, являясь близким, но менее распространенным синонимом союза *потому что*, способен выступать соответствием болгарского *защото*, например: *Ти си слаб и подъл, и*

страхлив, защото нямаш бог!... (Д. Димов). – *Ты слаб, и подл, и труслив, ибо в тебе нет бога!* (пер. Т. Рузской); *Струваше му се, че Елена трябваше да ги изгони. И понеже не направи това, сега бе готов да стане и да си върви сам* (Д. Димов). – *Он полагал, что Елене следовало бы их выгнать, и, раз она не сделала этого, сам готов был встать и уйти* (пер. Н. Попова).

Выявленные грамматические трансформации отражают наличие в языке известных альтернативных способов выражения причинных отношений: это предложения с союзом *какъвто* и *че* в болгарском языке, при переводе которых зафиксирован наибольший процент грамматических трансформаций. Для перевода причинных предложений с союзом *че* в нашем корпусе используются предложения альтернативной мотивации с союзом *а то*, что обуславливается близостью семантики данных конструкций. Предложения с союзом *какъвто* показывают разнообразные варианты перевода, так как в русском языке не имеется прямого аналога данному союзу.

В заключении подведены итоги работы в соответствии с основными положениями, выносимыми на защиту, целью и задачами исследования. Указывается зависимость характеристик болгарских сложных предложений с придаточными цели и причины, таких как расположение придаточной части и способность к парцелляции, от семантико-коммуникативных свойства того или иного союза. Использование наиболее частотных целевых союзов *за да* и *да* зависит от семантики предиката главной части, а также от отнесенности к матричному предикату придаточной части (для придаточных, вводимых союзом *да*) или тесной связи с другими членами группы сказуемого (для придаточных, вводимых союзом *за да*). Союзы причины дифференцирующего значения различаются по семантике: при представлении причины как субъективного мнения выбирается союз *защото*, при представлении причинно-следственных отношений как объективной закономерности выбираются союзы *понеже* и *тъй като*; а также по способности вводить информацию как известное / неизвестное или данное, по ассертивному статусу вводимой пропозиции.

Важные структурно-синтаксические особенности целевых придаточных предложений – возможность разрыва целевых союзов, использование только формы настоящего времени в придаточном предложении – проистекают из грамматических характеристик *да*-конструкции (контактность элемента *да* с глаголом, модально-темпоральные ограничения на глагол в *да*-конструкции).

С контрастивными частицами способны сочетаться только союзы, имеющие чисто целевое или причинное значение – целевые *за да* и *да* и причинный союз *защото*.

Выявлены конструкции, где отсутствуют отношения обусловленности отсутствует и целевое значение переосмысливается – это предложения, оформленные с помощью союза *за да* (в редких случаях *колкото (за) да*).

Выявлены предложения, находящиеся на периферии способов выражения цели и причины: конструкции с причинно-следственным значением, средством связи в которых выступают целевые союзы, предложения необходимого основания, где в главной части используется глагол *трябва* в эпистемическом значении, предложения причинно-аргументирующего значения, средством связи в которых выступает союз *за да*.

Перечислены русские соответствия болгарским целевым и причинным союзам. Наиболее частотным соответствием болгарским целевым предложениям выступают придаточные предложения, вводимые союзом *чтобы*. Для предложения с союзом *да* одним из основных соответствий является бессоюзный целевой инфинитив, что объясняется общностью их некоторых синтаксических свойств (преимущественное употребление после глаголов движения, отнесенность к матричному предикату). Наиболее частотным соответствием болгарским предложениям причины выступают придаточные предложения, вводимые союзом *потому что*. Болгарские союзы цели *да не би да*, *та да* и *че да* вследствие особенности семантики не имеют прямых русских соответствий среди целевых союзов, также и болгарские союзы причины *какъвто* и *че* не имеют прямых соответствий среди русских союзов причины.

Взаимосвязанность понятий причины и цели выражается на лингвистическом уровне. Понятие причина входит в толкование понятия цели, с другой стороны, описание причины также часто осуществляется с помощью целевой лексики. Оба данных понятия способны обуславливать поступки и поведение субъекта. Именно в этой антропоцентричной сфере происходит максимальное сближение цели и причины: человек совершает осознанные действия по той *причине*, что он хочет осуществить поставленную *цель*. Цель при этом приближается к мотиву действия, причина из объективного факта становится подталкивающим к осуществлению действия фактором. См. комбинацию данных понятий в рамках объяснения одного действия: *Виковете на роялистите, на фалангистите, на легионерите и на всички, които бяха за господ, за краля и за Испания, се подемаха от гърлата на други, които също почваха да реват яростно било за да се харесат на властта, било защото се заразяваха от крясъците на себеподобните си, макар всъщност да ненавиждаха "движението", което бе развалило спокойствието им (Д. Димов).*

ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Работы, опубликованные автором в ведущих рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ:

1. *Мосинец, А. Г.* Предложения альтернативной мотивации с союзом *a to* и их болгарские параллели / А. Г. Мосинец // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2017. Том 9. Выпуск 1. С. 53-62 (1,6 п.л.).
2. *Мосинец, А. Г.* Условно-причинный болгарский союз *щом* и его русские эквиваленты [Текст] / А. Г. Мосинец // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 3 (69): в 3-х ч. Часть 2. С. 133-136 (0,8 п.л.).
3. *Мосинец, А. Г.* Предложения с семантикой антицели в болгарском языке с союзом *за да* [Текст] / А. Г. Мосинец // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 10 (76): в 3-х ч. Часть 1 (0,8 п.л.).
4. *Мосинец, А. Г.* Становление целевых союзов в болгарском языке: от древнеболгарского до современного состояния [Текст] / А. Г. Мосинец // Вестник СПбГУ. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. Том 14. Выпуск 3. Сентябрь 2017. С. 407-419 (1,2 п.л.).

Другие работы, опубликованные автором по теме диссертации:

5. *Мосинец, А. Г.* Предложения со значением недостаточной, достаточной или чрезмерной степени качества в болгарском языке [Текст] / А. Г. Мосинец // XXI Державинские чтения: современные и исторические проблемы болгаристики и славистики: материалы XLV Международной филологической конференции, 14–21 марта 2016 г., Санкт-Петербург / Отв.ред. д-р филол. наук *Е. Ю. Иванова*, канд. филол. наук *З. К. Шанова*. СПб.: ВВМ, 2016. С. 61-67 (0,6 п.л.).
6. *Мосинец, А. Г.* Предложения с семантикой следования и антицели в болгарском языке [Текст] / А. Г. Мосинец // XLIV Международная филологическая научная конференция, 10–15 марта 2015 г.: Тезисы докладов. СПб: Филологический факультет СПбГУ, 2015. С. 402-403 (0,1 п.л.).
7. *Мосинец, А. Г.* Предложения с семантикой следования и антицели с союзом *за да* в болгарском языке [Текст] / А. Г. Мосинец // XX Державинские чтения : современные и исторические проблемы болгаристики и славистики : материалы XLIV Международной филологической конференции, 10–15 марта 2015 г., Санкт-Петербург / Отв.ред. д-р филол. наук *Е. Ю. Иванова*, канд. филол. наук *З. К. Шанова*. СПб.: ВВМ, 2015. С.45-53 (1 п.л.).
8. *Мосинец, А. Г.* Структурно-семантические особенности сложных предложений с придаточными цели в болгарском языке [Текст] / А. Г. Мосинец // Сборник тезисов

докладов Международной молодёжной межвузовской, междисциплинарной славистической конференции. Роль славянской молодёжи в процессе устойчивого цивилизационного развития. Выпуск 6: Славянская мозаика: История. Язык. Фольклор. Литература. Культура. Москва. 28 мая 2015 г. / отв. ред. и сост. *И. И. Калиганов*. М: «ГАСК», 2015. С. 55-61 (0,6 п.л.).

9. *Мосинец, А. Г.* Семантика болгарского союза *за да* [Текст] / А. Г. Мосинец // Матеріали II Міжнародного науково-методичного семінару з болгарської мови, літератури, культури та історії (16-17 травня 2013 р.). Бердянск: БДПУ, 2013. С. 22-23 (0,1 п.л.).
10. *Mosinets A.* Bulgarian equivalents to Russian conjunction *a to* [Электронный ресурс] / A. Mosinets // *Advances in Social Science, Education and Humanities Research. Proceedings of the 45th International Philological Conference (IPC 2016). July 2017.* URL: <https://www.atlantis-press.com/proceedings/ipc-16/25879712>